

Отзыв официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Пэй Цзяминь «ВОСТОК (КИТАЙ) В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»
по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Знакомство с диссертацией Пэй Цзяминь подтверждает мысль о том, что рецептивные исследования, в частности, исследование творческого восприятия Китая в литературе Серебряного века действительно **актуальны** на современном этапе развития отечественной филологии. Обращение к выбранной теме является, безусловно, **плодотворным и наукоемким**, так как позволяет расширить представления в области сравнительного литературоведения, русско-китайских литературных связей, процесса постижения русской словесной культурой Серебряного века китайских и – шире - восточных реалий как связанных с ментально-жизненными аспектами, так претворенных в артефакты искусства.

Нельзя сказать, что эта тема малоизучена. Она рассматривается в ряде исследований таких современных ученых, как Н.Ю. Грякаловой, С.М. Пинаева, В.Е. Свет, Ким Кен-Тэ, О.С. Чебоненко, Д.М. Шабашовой, И.А. Таировой Е.А. Чач, О.Е. Бочковой, П.В. Пороль, Е.В. Концовой и др.

И возникает закономерный вопрос: не теряется ли на этом фоне, в этом обширном ряду солидных исследований работа Пэй Цзяминь? Сразу же ответу на этот вопрос: нет, не теряется! Молодая исследовательница, постаралась усвоить - в меру своих сил и возможностей - все, что было сделано до нее и найти те лакуны в рецептивном освоении китайского контента русскими писателями-модернистами, которые оказались недоисследованными.

Чем же обусловлены **новизна и теоретическая значимость** рецензируемой работы? Они определяются прежде всего тем, что анализ темы Востока/Китая в русской модернистской литературе конца 19-го – начала 20-го века осуществлен как бы изнутри, с позиции носителя китайского языка, восточной культуры и менталитета. В этом явное преимущество исследования диссертантки перед изысканиями российских ученых, не владеющих в полной мере китайским языком и нюансами «восточного» мышления. Пэй Цзяминь идентифицирует ключевые характеристики китайского культурного кода и

исходя из этого строит свой сопоставительный анализ, разворачиваемый на протяжении всего исследования.

Остановимся на наиболее существенных исследовательских **новациях** Пэй Цзяминь, имеющими важное **теоретическое** и историко-литературное **значение**.

Во-первых, Китай в работе предстает многомерным понятием, он позиционирован как некий смысловой центр философской, религиозно-мифологической и поэтической традиции Востока, что весьма оригинально, но безусловно, верно, если вспомнить, что в китайская философия неоднородна и синкретична. Диссертантка указывает, что на протяжении многих веков в Китае сосуществовали конфуцианство, даосизм, моизм и несколько позже к ним присоединился буддизм. При этом эти доктрины постепенно сближались между собой, составляя некое религиозно-мифологическое единство, воплощаемое в культуре и литературе Китая, а также влияя на культуру (Японии, Кореи, Вьетнама) или взаимодействуя с культурой (Индии) других восточных стран. Европейцы иногда забывают, что влияние Китая на другие страны Востока (особенно Дальнего Востока) можно сравнить с влиянием Древней Греции на европейские культуры.

Во-вторых, автор показывает, как «восточная» тема концептуально представлена в символистском дискурсе. Новизна подхода диссертантки в том, что она сначала дает (в 1-м параграфе 1 главы) общий абрис преломления темы Востока/Китая в литературе русского символизма, вычлняя существенные философские закономерности противопоставления этих глобальных понятий. Причем для создания репрезентативной картины соискатель привлекает широкий материал символистских эссе, лирических и прозаических произведений (Вл. Соловьева, А. Белого, А. Блока, Вяч. Иванова и др.). А затем во 2-м и 3-м параграфах 1 главы) исследовательница сосредотачивается на проблеме восприятия мотивного комплекса Востока/Китая в творчестве Бальмонта и Брюсова. Эта композиционная тактика дает и общее – панорамное – представление о восприятии восточной/китайской философии на эстетику символизма, и позволяет конкретизировать специфику отражения означенной темы в онтопоэтике К. Бальмонта и в приемах художественного перевода В. Брюсова.

Так, «восточный» код автор скрупулезно вычлняет в философских исканиях Бальмонта, полагая его одним из импульсов эволюции его духовного самоопределения. Диссертанткой впервые на конкретном поэтическом материале показано, как индийская и китайская философия (в частности,

даосизма) повлияла на поэтическую онтологию Бальмонта, а сама восточная эстетика стала смысловым стержнем ряда его лирических произведений. В обосновании и доказательстве этого положения мне видится одна из научных заслуг диссертантки.

Не менее важная заслуга Пэй Цзяминь состоит в анализе специфики переводческого дискурса Брюсова, ориентированного не только на стилизацию древнекитайской поэзии, но и на «философию этики» классических мыслителей Китая.

В-третьих, значительным достижением мне представляется анализ восприятия восточной философии и непосредственно китайской мотивики в творчестве поэтов-акмеистов, предпринятый в первом параграфе 2-й главы работы. Здесь диссертантка пошла по другому пути, нежели в 1-й главе: она дает «точечный» аналитический комментарий восточным и непосредственно китайским рецепциям в творчестве Ахматовой и Мандельштама, не вычленяя каких-то общеакмеистических закономерностей.

Возможно, их и не было, хотя в поэтике, влияние не столько китайской, а, скорее, дальневосточной поэтики все же просматривается. В этом плане позволю себе обратить внимание автора диссертации на статью Г. Померанца («Басё и Мандельштам») о влиянии восточной (в частности, японской) эстетики на художественное мышление раннего Мандельштама. Мне – в качестве гипотезы – представляется, что его выводы можно спроецировать на поэтические принципы ранней Ахматовой.

В акмеистической главе есть целый ряд важных и оригинальных суждений относительно восприятия акмеистами китайских реалий.

Лапидарно, но, тем не менее, точно и глубоко охарактеризованы китайские переводы Ахматовой. На основе значительного фактического материала (переводов стихотворений Ли Шаньиня и Ли Бо и др.) автор впервые вычленяет специфику переводческой стратегии Ахматовой. Она справедливо полагает, что «перевод Ахматовой не только сохраняет первоначальное значение, но и оставляет читателям простор для воображения, точно передает выразительность и настроение стиха» (с. 86).

Немаловажно отметить филигранность анализа Пэй Цзяминь. Она, разбирая ахматовский перевод стихотворения «А в южных морях под взором луны, текут жемчуга по щеке...» тонко подмечает, что Ахматова передает и скрытые аллюзии на национальный фольклор и древнюю классическую поэзию, что «позволяют позиционировать ее как утонченного ценителя

китайской культуры, вполне осознающего важность даже мельчайших подробностей культурной традиции» (с. 87).

Впечатляет и оригинальность рассмотрения китайских реалий в «Московских стихах» Осипа Мандельштама. Я имею в виду аналитический комментарий к стихотворению «Еще далеко мне до патриарха...». Ни одному из российских литературоведов не пришло в голову усмотреть в этом художественном тексте китайскую проблематику. А Пэй Цзяминь не только ее усмотрела, но и показала, что Мандельштам по-новому, не стереотипно подошел к теме бытования китайской диаспоры в столице России, подчеркнув лучшие черты ее быта и национального менталитета.

Радует в первом параграфе 2-й главы и широта охвата материала. В этом плане представляется важным акцентирование того факта, что к китайской тематике обращаются и акмеистам младшего поколения. Стоит хотя бы вспомнить «Китайские тени» Георгия Иванова, чтобы верифицировать это суждение.

В-четвертых, Пэй Цзяминь по-новому подошла к отражению Китая в творчестве Гумилева (во втором - центральном – параграфе 2-й главы).

Анализируя восточные/китайские аллюзии в творчестве Гумилева, она впервые наметила эволюцию восприятия Гумилевым Китая. Так, она правомерно считает, что стихотворение «Путешествие в Китай» (1909), написанное в преакмеистический период, выполнено в европейской традиции (с. 97). Глубокого проникновения в китайскую культуру здесь нет, оно живописно, экфраслично (что коррелирует с посвящением художнику Судейкину), и его истоком, добавлю является одна из заключительных книг романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», где герои действительно отправляются на корабле в Китай как далекую экзотическую страну.

А вот другое стихотворение, написанное в период «бури и натиска» акмеизма (1911-1912 годы) – «Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец...» - показывает, как верно указывает диссертантка, что Гумилев был знаком с шедеврами китайской поэтической классики. Причем он их не только знал, но и творчески переосмыслял. Ключевые образы классической поэзии Китая поэт делал как бы своими, «одомашнивал» их, включая в собственную художественную систему. В тот же период написано и таинственное, визионерское стихотворение «Возвращение», затрагивающее, как и «Китайская акварель» экзистенциальную и онтологическую проблему выбора пути героя – на Восток или на Запад. Жаль, что автор только упоминает это стихотворение, но не анализирует его подробно.

Зато подробно, интересно и глубоко проанализировано обращение Гумилева к Китаю на следующем этапе его творческого пути (1914-1917 годы). Я имею в виду его цикл-сборник «Фарфоровый павильон». Пэй Цзяминь задается вопросом об источниках образов этого сборника, о мере «своего» и «чужого» в нем, о том, о самой сути стихотворений, входящих в цикл: что они из себя представляют: переводы, подражания-стилизации, парафрастические композиции, вариации на тему?

Основываясь на материалах гумилеведов, в частности, Е.Г. Солнцевой, диссертантка восстанавливает источники и указывает оригиналы китайских классиков, повлиявших на образную систему сборника. Это стихотворения Ли Бо «Фарфоровый павильон» и «Счастье»; Ли Вэй «Луна на море»; Юань Цзе «Природа»; Тзе Тие «Дорога»; Цзяо Жань «Три жены мандарина» и «Соединение»; Ду Фу «Странник» и «Дом»; Чжао Жо-Сюй «Поэт» и др. Но важно то, что на основе этого фактического материала автор показывает, что в гумилевской поэзии существуют разные стратегии рецепции китайской образности. С одной стороны, мы можем говорить о прямом переводе источника, но чаще образные, мотивные, сюжетно-ситуативные комплексы источника как бы рассредоточиваются по всему семантическому полю корпуса гумилевского сборника. Причем эти образные индексы обретают значение символов Китая, знаками китайских реалий, китайского быта, эстетики и поэтики. При этом диссертантка показывает функции этих образов-символов в тексте сборника, выявляет механизмы их «вписывания» в авторскую модель мира, способы образования под- и надтекстовых значений. В итоге Пэй Цзяминь приходит к верифицированному выводу о том, что «китайский текст» в «Фарфоровом павильоне» становится органическим компонентом идиопозетики Гумилева и тем самым аспирантка ставит точку в многолетнем споре о статусе этого сборника.

В-пятых, несомненным новаторским статусом обладает 3 глава работы, посвященная Максимилиану Волошину как преемнику культурной традиции Востока/Китая.

Автор выясняет причины, пробудившие интерес к Востоку у Волошина (здесь и «ссылка» в Среднюю Азию, и влияние философских концепций Владимира Соловьева и Ф. Ницше, и геософская специфика Коктебеля) и далее прослеживает эволюцию его рецептивных устремлений. Но главное – автор выявляет философскую специфику подхода Волошина к теме Востока/Китая. Поэт полагал, как доказывает диссертантка, что нельзя только противопоставлять культуру Востока и Запада, видеть в первом только

«желтую угрозу», следует стремиться к воссозданию нового геософского, геополитического синтеза, включающего в себя «восточную духовную свободу» и «европейский рационализм». Такой же «синкретический» подход Пэй Цзяминь применяет и к поэтике Волошина, испытавшей, по ее версии, влияние китайской эстетической мысли и художественной практики. Я имею в виду слиянность двух видов искусств в творчестве Волошина – поэзии и живописи. Именно такие художественные принципы проповедовали классические поэты Древнего Китая! И в доказательстве этого положения мне видится настоящее открытие диссертантки, совершенного под профессиональным руководством самого крупного волошиноведа в России и в мире, Сергея Михайловича Пинаева.

Перечень инновационных наблюдений и суждений можно продолжить. Так, например, меня восхитило типологическое сравнение даже не поэзии, а мироощущения и судьбы Николая Гумилева с мировоззрением и судьбой великого китайского поэта Ду Фу, который, как и Гумилев, стоя перед экзистенциальным выбором, грозящим смертью, выбирает верность долгу и своему слову. Еще раз подчеркну, что подобные наблюдения и выводы (число которых легко умножить) возможны только при глубоком «нутряном» знании языка, жизненных и исторических реалий, многовековой культуры и литературы Китая.

Методологические достижения диссертантки заслуживают особого внимания. Основной метод, которым она пользуется – сравнительно исторический. И им она владеет виртуозно. То же самое можно сказать и об использовании культурно-исторического и биографического методов, хотя последним, как мне кажется, диссертантка слегка злоупотребляет (излишне подробно и пространно останавливаясь на биографических перипетиях поэтов Серебряного века).

Но особенно важная **методологическая** заслуга соискателя мне видится в том, что он привлекает в качестве верификационных критериев собственного анализа не только российских исследователей, но и ученых Китая, оценки и суждения которых сопровождают каждый параграф работы. Такая двойная исследовательская оптика убеждает в **достоверности основных положений и итоговых результатов работы.**

Более того, исследовательница в финале работы дает систематизированный очерк достижений китайских литературоведов в исследовании поэзии Серебряного века (акцентируя их вклад в рассмотрение китайской проблематики), и не упуская при этом значимости переводов и

изданий русских поэтов начала века, которые она анализирует в своей диссертации. Этот очерк представляет собой значимый вклад в китайское, российское и в конечном счете – в мировое литературоведение. Так, мне будет крайне интересно и важно познакомиться с трудами Чэнь Яньяна, Цзэн Сыи, и особенно поэтичнейшего Ян Кайсяня, в которых сформированы оригинальные концепции акмеистического творчества.

К этой глубокой и интересной работе можно предъявить две претензии.

1-я из них – композиционно-логическая. Непонятно, почему исследователь в первой главе, которая называется «Китай К. Д. Бальмонта: попытки духовного самоопределения» третий параграф содержит материал о «Китайских стихах» Валерия Брюсова? Может быть, первую главу следовало бы озаглавить как-то иначе, шире? Тем более, что 1-й параграф, как я отмечала выше, дает общее представление об освоении русскими символистами темы Китая. Та же картина наблюдается и в оглавлении второй главы, названной: «Н.С. Гумилев: в поисках своего Китая». Между тем, в первом параграфе речь идет не о Гумилеве, а об Ахматовой, Мандельштаме и других акмеистах.

2-я претензия – источниковедческая. На мой взгляд, при весьма обширной источниковедческой базе следовало бы все-таки больше внимания уделить диссертации П.В. Пороль «Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика)» (2020) и, безусловно, включить ее в список литературы. Оговорюсь, что Пэй Цзяминь ссылается на некоторые публикации Пороль, однако исследовательская концепция последней более полно отражена все-таки в ее диссертации. Это необходимо было сделать не только из соображений научной этики (с этим аспектом все в порядке: ссылки на статьи П.В. Пороль вполне репрезентативны), но чтобы вычленить те новые подходы к теме, предложенные Пэй Цзяминь в собственном исследовательском проекте.

Эти критические замечания легко исправимы (в случае переработки диссертации в монографию или учебное пособие) и не влияют на общую высокую оценку работы.

Рецензируемая работа полностью **отвечает паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.**

Диссертация является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержатся **новые решения всех поставленных в работе научных задач, имеющих важное значение для филологической науки.**

Научно-практическая ее ценность диссертации несомненна, ее алгоритмы могут быть использованы при исследовании рецептивного

дискурса в художественной литературе, а ее основные положения и материалы будут востребованы преподавателями-практиками гуманитарных факультетов высшей школы как в России, так и в Китае.

Содержание автореферата и опубликованных работ **соответствует** положениям, выносимым на защиту и выводам диссертации.

Таким образом, работа **соответствует** требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени **кандидата филологических наук**, согласно п.2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», утвержденного Ученым советом РУДН протокол № 12 от 23.09.2019г., а её автор, Пэй Цзяминь, **заслуживает** присуждения **ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации**.

21.05.2023

Доктор филологических наук (специальность 10.01.01),
профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы
ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова»
КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Подпись сотрудника факультета журналистики Московского университета имени А.С. Грибоедова проф. Л.Г. Кихней удостоверяю:

Первый проректор
Московского университета
имени А.С. Грибоедова, доцент Н.В. Автионова

Адрес места работы:

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 71;
Московский университет имени А.С. Грибоедова,
факультет журналистики. Тел.: +7 (495) 673-73-71;
e-mail: impe.griboedova@mail.ru